

Мгновение розы и мгновение тиса
равновременны.

Т. С. Элиот
«Четыре квартета»¹

Пролог

Я жил тогда в Париже... Однажды Парфитт, мой слуга, доложил, что меня хочет видеть какая-то дама.

— Она утверждает, — добавил он, — будто у нее к вам очень важное дело.

Замечу, что с некоторых пор у меня вошло в привычку никогда ни с кем не встречаться без предварительной договоренности. Тем же, кто приходит «по важному делу», в большинстве случаев требуется финансовая помощь. Но мне кажется, что люди, которые действительно нуждаются, редко или вообще никогда не просят денег. Впрочем, это мое личное мнение...

Я спросил у Парфитта, как зовут посетительницу, и он протянул мне ее визитную карточку.

Кэтрин Югубян? Никогда не слышал о такой... Откровенно говоря, ее имя мне не понравилось. «Скорее всего, она явилась не за деньгами, — решил я. — Наверное, будет пытаться продать

---

¹ Перевод С. Степанова.

что-нибудь. Вероятно, одну из тех подделок под старину, которую легче продавать, что называется, «с рук»: заморочить покупателю голову и всучить совершенно ненужную вещь».

Я попросил передать, что мне очень жаль и что я не в состоянии увидеться с мадам Югубян, однако она может изложить свое дело в письменном виде.

Парфитт кивнул и удалился. Должен сказать, что слуга мой — просто чудо: умен, предан мне всей душой и немногословен. Согласитесь, идеальное сочетание... Ну, во всяком случае, для такого калеки, как я. Так что у меня не возникло и тени сомнения, что с незваной гостьей покончено раз и навсегда. Однако, к моему величайшему изумлению, Парфитт вскоре вернулся.

— Дама очень настаивает на личной встрече, — заявил он. — По ее словам, дело касается вашего старого друга, и речь идет о жизни и смерти.

Его слова возбудили мое любопытство. Нет, меня не заинтересовало то, что наговорила гостья. Жизнь, смерть, старый друг — обычные уловки. Поведение Парфитта — вот что действительно меня удивило. Обычно мой верный слуга олицетворял собой каменную стену между мной и непрошеными гостями. А сейчас...

Я решил (убедившись вскоре, как заблуждаюсь), будто Кэтрин Югубян невероятно красива или, по крайней мере, необычайно обаятельна.

Никакая иная причина, по моему разумению, не способна была объяснить странное поведение моего слуги.

Словом, я угодил в ловушку... Мужчина всегда остается мужчиной, даже если он калека пятидесяти лет от роду. Мне захотелось своими глазами посмотреть на лучезарное создание, сумевшее прорвать линию обороны безупречного досье Парфитта. Я приказал проводить даму наверх.

Однако, когда Кэтрин Югубян вошла в комнату, я от изумления лишился дара речи, но зато тут же нашел оправдание поведению Парфитта.

Мой слуга превосходно разбирается в людях. Углядев в Кэтрин настойчивость и упорство, против которых бессильна любая оборона, он мудро капитулировал, избавив тем самым себя от долгой, изнурительной борьбы. А у меня появилась реальная возможность оценить, как удачно настырность этой женщины сочетается с жутким тупым упрямством. Я думаю, что она определенно проторчала бы у меня в прихожей весь день. У таких людей, как Кэтрин Югубян, в голове есть место только для одной мысли, а завидная способность добиваться своего во что бы то ни стало дает им безусловное преимущество перед менее целеустремленными натурами.

Итак, как я уже отметил, при ее появлении я испытал настоящий шок. Я-то ведь настроился лицезреть красавицу!

Вошедшая женщина оказалась необычайно, почти устрашающе некрасивой. Не уродливой, нет! У уродов есть свой, если можно так выразиться, шарм. А у Кэтрин было всего лишь абсолютно невыразительное лицо, большое и круглое, как блин. Черные глазки напоминали изюм в булке. Картину дополняли нечесанные, необычайно сальные волосы и едва заметные усики над верхней губой. Фигура просто не поддавалась описанию, то есть можно сказать, что у нее практически не было фигуры. Одежду она себе подобрала соответствующую: платье сидело на ней отвратительно. Да, добавлю, что у нее была решительная нижняя челюсть и, как я вскоре убедился, грубый и неприятный голос.

Я метнул в сторону Парфитта укоризненный взгляд. Мой слуга встретил его со своей обычной невозмутимостью.

— Мадам Югубян, сэр! — объявил он и удалился, захлопнув дверь и оставив меня на милость этой особы.

Кэтрин немедленно устремилась в атаку. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным, никогда так ясно не сознавал своего положения. Она была женщиной, от которой рекомендуется бежать как можно скорее, а бежать я не мог.

— Пожалуйста, если вы будете так добры, вы должны пойти со мной!

В ее устах это прозвучало скорее как команда, чем как просьба.

— Простите? — Я был поражен.

— Я не очень хорошо говорить английский, боюсь. Но нельзя терять время. Нет времени совсем. Я прошу вас пойти к мистеру Габриэлю. Он очень болен. Скоро, очень скоро он умирать, и он просил вас приходить. Чтобы увидеть его, вы должны сейчас же пойти.

Я пристально посмотрел на нее. Откровенно говоря, я подумал, что передо мной сумасшедшая. Фамилия Габриэль не произвела на меня абсолютно никакого впечатления, частично, полагаю, из-за ее произношения. Кэтрин выговаривала фамилию совершенно не похоже на «Габриэль». Но даже если бы она произнесла ее правильно, не думаю, что фамилия задела бы какую-либо струну в моей душе.

— Так вы говорите — кто-то умирает? Какой-то мой... м-м... знакомый?

В ее глазах застыл упрек.

— Ну да, вы его знаете, вы его хорошо знаете! И он хочет вас видеть.

Кэтрин была так напориста, что я попытался сообразить, кого же она все-таки имеет в виду. Какую фамилию она назвала? Гейбл? Может, Гэлбрайт? Знавал я когда-то одного Гэлбрайта, по профессии горного инженера... Наше знакомство было шапочным, и в высшей степени неве-

роятно, чтобы он пожелал увидеть на смертном одре именно меня.

— Как, вы говорите, его фамилия? — переспросил я. — Гэлбрайт?

— Да нет, нет! Габриэль. Га-бри-эль!

Я удивился еще больше. Теперь она произнесла слово достаточно четко, но фамилия вызвала у меня ассоциацию с архангелом Гавриилом с огромными крыльями за спиной. Его образ хорошо гармонировал с Кэтрин Югубян, черты которой отличались крайней суровостью и простотой. Женщин с такой библейской внешностью можно встретить на картинах итальянских примитивистов: обычно их коленапреклоненные фигуры размещаются в нижнем левом углу...

— Джон Габриэль, — упрямо твердила она.

И тут я понял, о ком она говорит!

Ну конечно. Джон Габриэль... С тех пор как я последний раз произносил это имя вслух, прошло, наверное, лет десять.

Я вспомнил последнюю встречу с Джоном Габриэлем в Заграде, то, что там тогда произошло, и волна ненависти захлестнула меня.

— Значит, он умирает? — Я едва сдерживался от бешенства. — Рад слышать!

— Что, простите?

Знаете, бывают слова, которые невозможно повторить, когда вас вежливо переспрашивают. Очевидно, Кэтрин Югубян совершенно ничего

не поняла. Так что я, вздохнув, продолжил разговор:

— Вы говорите, он умирает?

— Да. Ему больно — он очень страдает.

Что ж, радостная весть. Вы, наверное, подумали, что я — чудовище. Но скажу, что никакая боль, никакое страдание не искупит вину Джона Габриэля. Однако совершенно невозможно растолковать такое этой женщине, которая, несомненно, являлась его ярой поклонницей.

«Да что же такое есть в этом типе, — подумал я раздраженно, — что все женщины попадают к нему на удочку? Он же страшен как смертный грех! Заносчив, вульгарен, хвастлив... Следует признать, что он неглуп и в определенных обстоятельствах интересный собеседник. Да, он не лишен чувства юмора. Но это все. Понимаете, все! Его отрицательные черты, по-моему, начисто заглушили то небольшое хорошее, что было в этом человеке. И я не могу взять в толк... »

Кэтрин прервала мои размышления:

— Пожалуйста, так вы пойдете? Пойдете быстро? Нельзя терять время.

Я взял себя в руки.

— Извините, мадам, — сказал я, — но, боюсь, я не смогу вас сопровождать.

— Но он хочет вас видеть! — настаивала она.

— Я не пойду.

— Вы не понимаете! Он болен. Он умирает и хочет видеть вас.

Я напрягся и приготовился к схватке. Я понял (а Парфитт догадался с первого взгляда), что Кэтрин Югубян так просто не сдастся.

— Вас ввели в заблуждение, — сказал я. — Джон Габриэль мне не друг.

Она энергично тряхнула головой:

— Ну да, ну да. Он читать ваше имя в газете. Там написали, что вы — член Комиссии. И он говорить, чтобы я разыскала вас и уговорила прийти. Пожалуйста, вы должны прийти быстро, очень быстро, потому что доктор говорит, ему осталось недолго. Так вы идете со мной?

Мне показалось, что лучше высказаться откровенно.

— Пусть хоть в аду сгорит — мне это безразлично!

— Прошу прощения?

Она смотрела на меня с тревогой, морща длинный нос. Мне стало жаль ее: она держалась дружелюбно, пыталась понять...

— Джон Габриэль, — сказал я медленно и раздельно, — мне не друг. Он — человек, которого я ненавижу, не-на-ви-жу! Теперь вам понятно?

Она прищурилась. Мне показалось, наконец до нее начало что-то доходить.

— Вы сказать... — она говорила медленно, словно ребенок, который повторяет трудный

урок, — вы сказать, что... вы... ненавидеть... Джон Габриэль? Вы это сказать?

— Верно, — кивнул я.

Она улыбнулась, и ее улыбка привела меня в бешенство.

— Нет, нет, — снисходительно произнесла она, — невозможно, нет! Джона Габриэля нельзя ненавидеть! Он очень великий... очень хороший человек. Все, кто знают его, мы с радостью умирать за него.

— Боже всемогущий! — раздраженно воскликнул я. — Да что же такого совершил этот человек, чтобы испытывать по отношению к нему такие чувства?

Что ж, я сам напросился! Кэтрин Югубян позабыла о срочности своего поручения. Она села, отбросила со лба прядь волос, глаза ее загорелись.

По-моему, она говорила примерно с четверть часа. Иногда понять ее было очень трудно, так как она безбожно коверкала слова. Местами речь ее лилась плавным потоком.

Она говорила с благоговением, с восхищением: ясно было, что она преклоняется перед Джоном Габриэлем. Так, как отзывалась о нем она, обычно говорят о мессии.

В действительности он и был для нее своего рода мессией. Она говорила о нем такое, что казалось мне в высшей степени фантастическим. Кэтрин Югубян говорила о нежном, смелом

и сильном человеке. По ее словам, он был вождем, который приходил на помощь в трудную минуту, рисковал жизнью, чтобы спасти других. Он ненавидел жестокость и несправедливость — они будили его благородное негодование. Он был пророком, царем. Спасителем! Он придавал людям смелость, о которой они и не подозревали, и силы, в которых они не отдавали себе отчета. Этот человек неоднократно подвергался жестоким пыткам; его искалечили, едва не убили. Однако каким-то образом, одной силой воли он преодолел, превозмог бессилие изувеченного тела и продолжал совершать невероятные подвиги.

— Вы говорить, вы не знать, что он сделал? — закончила она. — Но отца Клемента знают все. Все!

Я изумленно уставился на мою собеседницу. А ведь она права. Все слышали об отце Клементе. Он имел такое большое влияние! Некоторые, правда, считали, что он — вымысел, миф и что такого человека в действительности не существует.

Попытаюсь вкратце передать вам, какое я имел представление об отце Клементе. Представьте себе Ричарда Львиное Сердце и Лоуренса Аравийского — бойца и святого в одном лице, обладающего мальчишеской безрассудной смелостью.

Сразу по окончании Второй мировой войны Европа и Восток переживали смутные времена. Страх господствовал над миром и порождал все новые взрывы жестокости и насилия. Цивилизация тогда дала трещину. Жуткие события творились в Индии и Персии — массовые убийства, голод, пытки, анархия...

И вот сквозь тучи блеснуло солнце — человек, называвший себя «отец Клемент». Он спасал детей, избавлял от мук их родителей. Он уводил людей непроходимыми горными тропами в безопасные зоны, устраивал поселения. Его любили, обожали, почитали. Словом, не человек, а легенда.

И, по словам Кэтрин Югубян, отцом Клементом оказался не кто иной, как Джон Габриэль, бывший член парламента от Сент-Лу, бабник и пьяница! Человек, который совершенно не считался со средствами ради достижения своих целей! Авантюрист, оппортунист, человек, не обладающий никакими достоинствами, кроме смелости.

И тут внезапно я дрогнул. Каким бы неправдоподобным ни казался рассказ Кэтрин, один момент в нем поколебал мой скептицизм. Как отец Клемент, так и Джон Габриэль отличались необычайной храбростью. Некоторые подвиги легендарной фигуры — дерзкое спасение людей, явный блеф, хождение по самому краю пропасти — вполне могли быть совершены Джоном Габриэлем.